

АКАДЕМИЧЕСКИЙ НЕОМАРКСИЗМ: НАУЧНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ ПАРАДИГМАЛЬНАЯ УТОПИЯ?

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Доказывается, что современное восприятие неомарксизма не учитывает наличия двух противоборствующих неомарксистских направлений: идеологизированного гуманистического и «сциентистского» академического. Сама история неомарксизма показывает, что его методология может быть другой, отличной от традиционного ее восприятия как идеологически ангажированного подхода. На основе исторического подхода и контент-анализа марксистского и неомарксистского текстового массива установлено, что идеологизация гуманистического неомарксизма, несмотря на оппозицию партийному марксизму, на популярность среди определенных социальных слоев (новых левых) и общественно-политическую активность его теоретиков, была определена гносеологической причиной – изначальной предвзятостью к познаваемой реальности. В такой ситуации метод гуманистического неомарксизма представлял собой проекцию капиталистического порядка на идеал неотчужденного общества, что предполагало исследование капитализма не как явления, которое объективно существует, а как явления, которое не должно существовать. Это привело гуманистический неомарксизм к утопизму. Выявлено, что для академического неомарксизма в большей степени характерна изначальная для всего неомарксизма идеологическая нейтральность. Академический неомарксизм задает отличные от гуманистического неомарксизма параметры исследования: антинормативизм (из неомарксистского исследования исчезает целеполагание на изменение мира), позитивизм (неомарксизм стремится к научной объективности), антипсихологизм (цель неомарксистского познания – выявить закономерности общественно-экономического порядка, а не найти новые движущие силы истории (агентов революции)). Практическая значимость полученных результатов в том, что выявленный академический неомарксизм есть опыт и стратегия для современных научно ориентированных неомарксистских исследований.

Ключевые слова: направления неомарксизма; академический неомарксизм; гуманистический неомарксизм; партийный марксизм; новые левые; идеологизация неомарксизма; позитивизм в неомарксизме.

ACADEMIC NEO-MARXISM: SCIENTIFIC AUTHENTICITY OR PARADIGMATIC UTOPIA?

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

It is proved that modern perception of neo-Marxism does not take into account presence of two opposing neo-Marxism tendencies: ideological humanistic and «scientistic» academic ones. The history of neo-Marxism itself shows that neo-Marxism methodology may differ: differ from its traditional perception as a biased ideological approach. It has been established on the basis of historical approach and content-analysis of Marxism and neo-Marxism text material that the ideologization of humanistic neo-Marxism, despite of opposition to party Marxism, despite of popularity among certain social strata (the New Left) and social and political activities of its theorists, was determined by a gnoseological reason – the

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Академический неомарксизм: научная аутентичность или парадигмальная утопия? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:85–92.

For citation:

Mikhailouski VS. Academic neo-Marxism: scientific authenticity or paradigmatic utopia? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:85–92. Russian.

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadim S. Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law.
vadim2010minsk@mail.ru

initial bias towards cognizable reality. In such a situation, the method of humanistic neo-Marxism was a projection of the capitalist order on the ideal of non-alienated society, which suggested the research of capitalism not as a phenomenon that objectively exists, but as a phenomenon that should not exist. This led humanistic neo-Marxism to utopianism. Academic neo-Marxism accordance to primordial ideological neutrality of the whole neo-Marxism as well as academic neo-Marxism research parameters, which differ from humanistic neo-Marxism ones, were revealed. The author mentions anti-normativism, positivism and anti-psychologism among academic neo-Marxism research features. Anti-normativism means that a neo-Marxism feature has the sense that the goal-setting to change the world disappears from neo-Marxist research. Positivism is a neo-Marxism feature which has the sense that neo-Marxism strives for scientific objectivity. Anti-psychologism means that the goal of neo-Marxism cognition is to identify patterns of the social-economic order, and not to find new driving forces of history (agents of the revolution). Results received by the author have practical significance since revealed academic neo-Marxism is an experience and strategy for current neo-Marxism studies oriented on science.

Keywords: directions of neo-Marxism; academic neo-Marxism; humanistic neo-Marxism; party Marxism; the New Left; ideologization of neo-Marxism; positivism in neo-Marxism.

Введение

Творческое наследие К. Маркса настолько многообразно, что уже более чем полтора столетия оказывает влияние на развитие общества и процесс познания социальности. Марксистский дискурс постоянно расширяется и включает в себя новых адептов. Так, в начале XX в. марксизм повлиял не только на рабочее движение и реальную политику коммунистов и социалистов, но и на различные направления академических исследований. Это воздействие оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как метод познания социальности. Началась профессионализация марксизма и его академическая институционализация. Уже в конце 1920-х гг. марксистский дискурс окончательно закрепился в исследовательских институтах и на университетских кафедрах. Российский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [1, с. 65].

Генезис академического марксизма связан с теоретической реакцией венгерского философа Д. Лукача и немецкого философа К. Корша на партийную вульгаризацию, догматизацию марксизма и идеологию ревизионизма. Такой подход в развитии классического марксизма получил название «неомарксизм»¹. Определение неомарксизма как академического (придерживающегося установленных традиций в науке), деидеологизированного (не связанного с влиянием идеологических факторов) и дедогматизированного (не связанного с догмами) направления является идеальным типом, позволяющим выявить суть неомарксистского дискурса и его место в истории мировой интеллектуальной мысли. Однако стремление интеллектуалов развивать марксистский подход в социальном познании привело к многообразию течений в нео-

марксизме, их конфликтности, тематической мозаичности, а также к различной доле следования академическим основам неомарксизма. Не стоит также отрицать научную составляющую и в партийной ветви развития марксизма. И речь здесь идет не только о творчестве видных представителей рабочего движения (В. И. Ленин, Р. Люксембург и др.), но и о хрестоматийных неомарксистских теоретиках (А. Грамши, К. Кастириадис, С. Маркос, Г. Маркузе, А. Негри и др.). Интеллектуальное творчество этих авторов характеризуется тесной связью с активной политической деятельностью. Более того, их неомарксистские изыскания целенаправленно выходили на политическую практику и идеологию. Все это свидетельствует о более противоречивой природе неомарксизма, его истории и теоретико-методологических основаниях. Особенности неклассического марксизма (марксизм после Маркса) лучше отражает следующая более детальная градация: партийный идеологизированный марксизм – партийный научный марксизм – гуманистический идеологизированный неомарксизм – академический (сциентистский) неомарксизм.

Таким образом, объект исследования – направления в неомарксизме, цель – выявить особенности и эвристическую значимость академического неомарксизма как методологического подхода для современных неомарксистских исследований. Отдельным направлениям сциентистского неомарксизма посвящено множество исследований философского и исторического характера (Д. Е. Добринская, М. Лебовиц, М. В. Сахарова, Г. А. Хакимов, Ф. Таррит, Н. В. Шихардин и др.). Однако отсутствуют работы, полностью посвященные вопросу аутентичности неомарксистских исследований вне идеологической ангажированности и догматизма.

¹Подробнее о становлении неомарксизма см.: Михайловский В. С. Неомарксизм: генезис и подходы к определению // Политологический неомарксизм: история, методология, теория. Минск, 2017. С. 17–36.

Результаты и их обсуждение

Генезис неомарксизма был вызван реакцией европейских интеллектуалов на недолжное, по их мнению, развитие марксизма в партийных структурах рабочего движения. Однако парадокс этой ситуации в том, что, отрицая догматизм и идеологию партийного марксизма, кабинетные неомарксисты 1920–60-х гг. сами неминуемо включались в сложные взаимодействия с партийными функционерами и структурами и вторгались в сферу идеологической и политической борьбы. Неомарксистские идеи сексуальной революции (фрейдомарксизм австрийского психолога В. Райха (Рейха)), культурного отчуждения и культурной революции (Франкфуртская школа философии) оставили заметный след в реальном политическом процессе: под этими лозунгами проходили выступления новых левых в 1960-х гг. Причины популярности неомарксистского дискурса очевидны: неомарксисты затрагивали значимые стороны общественной жизни, умело сочетали соответствующий эпохе социальный критицизм с радикальными идеями марксистского гуманизма. Это не могло не найти отклика у читающей и бунтующей молодежи. Однако не стоит преуменьшать активность самих неомарксистских теоретиков в политизации их идей. Вспомним хотя бы знаменитую речь теоретика Франкфуртской школы Г. Маркузе «К ситуации новых левых» (1968), которая стала своеобразным манифестом, определяющим главных врагов протестного движения, тактику борьбы, ее причины и цели, или творчество Ж.-П. Сартра (экзистенциальный марксизм) на страницах «*Les Temps Modernes*» («Новые времена»). Французский философ так презентовал журнал: «Говоря кратко, мы хотим способствовать совершению определенных изменений в обществе, которое нас окружает... Таким же образом, наш журнал будет занимать определенную позицию по отношению к каждому грядущему политическому и социальному событию» (цит. по [2]). В. Райх также не отрицал, что воспринимает фрейдизм как революционную идеологию и ищет способы его актуализации как политической практики. Именно поэтому он обратился к наиболее политизированной теории начала XX в. – марксизму [3, с. 206].

Несмотря на политическую ангажированность, марксистские интеллектуальные инновации фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов соответствовали теоретико-методологической направленности неомарксизма, определенной Д. Лукачем и К. Коршем в 1920-х гг. Неомарксизм начался как развитие идей раннего К. Маркса, где особое внимание отводилось субъективному фактору в истории. Отсюда и углубленное внимание фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов к вопросам психологии, культуры и экзистенции соответственно. Важным этапом в развитии общей неомарк-

систской направленности на познание субъективного фактора была публикация в 1932 г. работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Ознакомление с его ранними работами привело к тому, что К. Маркс начал восприниматься как философ-гуманист, а марксистское учение – как гуманистическая теория. Теоретик Франкфуртской школы Э. Фромм по этому поводу писал, что «цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от узко экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми» [4, с. 377]. Гуманизм раннего К. Маркса стал главным источником неомарксистской концептуализации освобождения человека XX в. от всяких форм отчуждения и эксплуатации, т. е. источником гуманистического неомарксизма.

Гуманистическая ветвь неомарксизма амбивалентна к собственному содержанию. С одной стороны, деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов представляла собой продолжение традиции привнесения в марксистскую онтологию субъективного фактора. В этом случае гуманизм в марксизме должен пониматься как антропоцентризм, а деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов – как развитие марксизма. С другой стороны, гуманизация марксизма была философским укреплением теории надстройки (которую фрейдисты, франкфуртцы и экзистенциалисты понимали как теорию революции), а также эффективным способом политизации фрейдизма, критической теории общества и экзистенциализма в целях превращения этих философий в реальный дискурс реальных сил сопротивления капитализму. В этом случае гуманистический неомарксизм есть утверждение особой ценности человека труда и его свободы, а деятельность фрейдистов, франкфуртцев и экзистенциалистов есть укрепление идеологической составляющей марксизма.

Таким образом, гуманистический неомарксизм находится в рамках академической традиции с определенной долей отступления. Представителям гуманистического неомарксизма удалось сохранить генетическую связь с классическим марксизмом через критику капитализма и поиск путей его преодоления. Их новшества были направлены на развитие марксистской теории революции путем обращения к гуманистическому потенциалу раннего К. Маркса и к теоретико-методологическому потенциалу современных фрейдизма, социального критицизма, экзистенциализма. Однако они не смогли выдержать заявленных первыми неомарксистами рамок академической нейтральности. Дело в том, что конфликт неомарксистских теоретиков с партийными деятелями не означал

оттока марксистской интеллигенции из партийного движения. Связь между теоретиками гуманистического неомарксизма и партийным движением объясняется тем, что коммунистические партии были единственными институтами марксистской мысли на Западе (кроме Института социальных исследований при Франкфуртском университете). Теоретики неомарксизма старались внедрить свои интеллектуальные разработки в коммунистическое движение, чтобы актуализировать марксистский революционный дискурс. Как отмечал американский философ П. Готфрид, это была попытка «укрепить революционный пыл марксизма в условиях, когда его теоретическая база начала слабеть» [5, с. 91]. Однако обнаружилось, что западные коммунистические партии стали все в меньшей степени интересоваться марксистской диалектикой и идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в послевоенный период, когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. В 1960-е гг. коммунистические партии активно включились в западный политический процесс. В результате произошло завершение партийных превращений революционной теории марксизма [6, с. 37–38, 52]. Однако, несмотря на неудачи в партийном направлении, дискурс гуманистического неомарксизма все же оказал существенное влияние на социально-политическую практику: был воспринят новыми левыми и лег в основу их идеологии².

Здесь уместно провести исторические параллели. К. Маркс и Ф. Энгельс также желали выявить научные основания социализма как теории самоосвобождения пролетариата в противовес неэффективному, по их мнению, анархизму и утопическому социализму. Известный факт, что отцы-основатели не считали свое учение идеологией, однако придавали ему революционное политическое значение. В обоих случаях (классический марксизм, гуманистический неомарксизм) «кабинетная» теория оказала влияние на социально-политическую практику: марксистская Октябрьская революция (1917), неомарксистская «студенческая революция» новых левых (1968). Помимо этого, в обоих случаях теория на практике была частично искажена: ленинская уверенность в возможности социалистической революции в относительно отсталой стране в противоположность марксистскому утверждению о первоначальной революции в группе развитых стран; искажение новыми левыми неомарксистского концепта великого отказа, который предполагал революцию сознания масс как путь к ненасильственному изменению обще-

ства, а не насильственную культурную революцию во имя дальнейшего освобождения сознания масс. Марксистская теория революции постепенно редуцировалась до коммунистической идеологии и трансформировалась в советский марксизм и еврокоммунизм. Также теория гуманистического неомарксизма свелась к идеологии культурной революции и стала в итоге одной из идеологием так называемых «зеленых».

С нашей точки зрения, гуманистический неомарксизм в историческом измерении есть марксистский «второй заход на старт». Если придерживаться спирального восприятия исторического движения, то гуманистический неомарксизм повторил судьбу классического марксизма, но в других социально-экономических и политических условиях. Идеологизация гуманистического неомарксизма, несмотря на популярность среди определенных социальных слоев и общественно-политическую активность его теоретиков, была определена и более глубинной гносеологической причиной – изначальной предвзятостью к познаваемой реальности. Эта предвзятость конституирует суть изысканий неомарксистов-гуманистов, задает вектор развития и в определенной степени предопределяет конечный результат исследований, что влияет на методологическую привлекательность неомарксизма в социальном познании. Изначальная идеологическая предвзятость гуманистического неомарксизма может быть проанализирована аналогично бернштейновской критике научности социализма.

Немецкий публицист и политический деятель Э. Бернштейн главным критерием различия науки и ненауки в марксизме определил тенденциозность. Он считал, что социализм как революционная теория и революционное движение не может быть наукой, так как «не может не быть тенденциозен» и «беспристрастен» [7, с. 24]. Пагубная тенденциозность партийного марксизма для социального познания определила возникновение неомарксизма как академической реакции. Особенность познавательных установок неомарксизма заключалась в том, что в них отвергался именно догматизм полученного знания. Смелым тезисом Д. Лукача стало утверждение, что «марксизм – это метод, а не догма». Помимо прочего, это означало, что «марксистом можно остаться даже в том случае, если будет доказана ложность всех утверждений и предсказаний Маркса» (цит. по [8, с. 121]). Вместо марксистского догматизма, который выполнял функцию редуцирования реальности до удобного партийной конъюнктуры уровня, гуманистический неомарксизм конституировал марксистский акаде-

²Подробнее о новых левых см.: *Запесоцкий А. С.* 50-летний юбилей молодежной революции: версии, результаты, уроки // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 105–112 ; *Лепешко Б. М.* Французская идеология // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 113–121.

мический критицизм как метод диалектического познания реальности. Критическое диалектическое сознание стало гарантом марксистского дискурса революции в условиях адаптации рабочего движения к репрессивной комфортности позднего капитализма. Однако в обоих случаях (партийный догматизм с его редукцией реальности и неомарксистский критицизм с его революционностью) речь идет о функциях идеологии. Здесь мы ссылаемся на исследования немецкого профессора У. Матца, который в результате анализа генезиса политики в современном понимании выявил, что любая идеология есть редукция сложности действительности и любая идеология по сути своей революционна [9].

Как утверждал Э. Бернштейн, «несвобода от тенденциозности почти всегда присутствует в социально-политических теориях и всегда – в социально-политических доктринах». Главную причину тенденциозности социально-политических теорий и доктрин Э. Бернштейн усматривал в моменте целеполагания (диктате определенных целей), который приводит социально-политические теории и доктрины к виду законченных систем [7, с. 26]. Несмотря на изначально заявленное парадигмальное различие, гуманистический и партийный неомарксизм роднит то, что они оба фундированы социально-политической целью. И если в отношении партийного марксизма можно сослаться на партийные программы, то в отношении гуманистического неомарксизма можно привести слова основоположников Франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно: «Мы... замахнулись ни больше ни меньше как на то, чтобы дать ответ на вопрос, почему человечество, вместо того, чтобы прийти к истинно человеческому состоянию, погружается в пучину нового типа варварства» [10, с. 8]. Идеологема истинного человеческого состояния была целевой установкой гуманистического неомарксизма, определившей его тенденциозность. Сама формулировка «истинное человеческое состояние» показывает, что истина (как результат научного познания) уже изначально известна представителям гуманистического неомарксизма – это человек раннего К. Маркса, неотчужденный человек, созидаящий жизнь посредством свободного труда. В такой ситуации метод гуманистического неомарксизма представлял собой проекцию капиталистического порядка на идеал неотчужденного общества, что предполагало исследование капитализма не как объективно существующего явления, а как явления, которое не должно существовать. Это привело гуманистический неомарксизм к утопизму, ибо, как писал немецкий социолог К. Мангейм (Манхейм), «определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в разрушении и трансформации данных условий общества, что они невольно видят только те элементы в ситуации, которые имеют

тенденцию ее отрицать», что в результате «скрывает определенные элементы реальности» [11, с. 53].

Таким образом, все отличительные признаки гуманистического неомарксизма (социальный критицизм, особое внимание к субъективному фактору, отсылка к раннему К. Марксу, развитие марксистской теории надстройки и теории революции) подчинены изначальной предопределенности (тенденциозности, идеологическому целеполаганию) познания. Необходимо решить, предопределено ли место исследователя-неомарксиста в социальных науках и является ли неомарксистский подход в социальном познании неизбежно маргинальным в том понимании, что не выдерживает научной верификации и всегда балансирует на грани идеологической ангажированности?

Возвращаясь к нашему тезису о спиральном развитии марксизма, отметим, что так же, как у идеологизированного партийного марксизма в 1920-е гг. возник оппонент в виде гуманистического неомарксизма, так и у последнего в результате его идеологизации к 1960-м гг. возник свой собственный академический оппонент – сциентистский неомарксизм. Дело в том, что широкое увлечение гуманизацией марксизма разделялось не всеми неомарксистскими теоретиками. Во Франции в начале 1960-х гг. возросла критика гуманистического неомарксизма, что было связано с усилением в социогуманитарных науках позиций структурализма, а также интеллектуальными изысканиями французского философа Л. Альтюссера.

Целевой установкой Л. Альтюссера было «восстановление аутентичного марксизма» [12, с. 147]. Подлинный марксизм для французского философа – это исторический материализм, лишенный, как писал российский исследователь Н. В. Шихардин, «стремления быть привлекательным для кого-либо» [13, с. 5]. Отправной точкой альтюссеровской критики неомарксистов-гуманистов был тезис, что деление творчества К. Маркса на ранний и поздний периоды отражает не многообразие марксизма, а эпистемологический и аксиологический разрыв в марксистской теории. Если для гуманистических неомарксистов идеализм раннего К. Маркса был источником интеллектуальных поисков, то для Л. Альтюссера он служил «основополагающим различием между идеологической “проблематикой”... и научной “проблематикой”» марксизма [14, с. 321, 358]. Для структурного (структуралистского) марксизма ранний марксизм есть продолжение немецкого идеализма (немецкой идеологии), с которым К. Маркс решительно покончил и который не может использоваться ни для внутренней, ни для внешней рецепции в марксизм.

Подход Л. Альтюссера определил академическую ветвь неомарксизма. Академический неомарксизм – это проект антиутопического неомарксизма, лишенного изначального предвзятого

отношения к изучаемой действительности и каких-либо идеологических ожиданий в отношении ее будущего развития. Говоря аллегорически, философ воспринял неомарксистский изначальный посыл о марксизме как научном методе, но добавил, что это метод познания человеком капитализма, а не преодоления человеком капитализма. В то же время Л. Альтюссер не был скептиком в вопросе трансформации капиталистического порядка. Его скептицизм распространялся лишь на роль человека в этой трансформации. Л. Альтюссер придерживался материалистического понимания истории и хотел с помощью структурализма усилить доказательность объективной трансформации капитализма по К. Марксу, которая не зависит и не может быть ускорена гуманистическим просвещением масс и активизацией их воли к культурной революции. Бессубъектные структуры в капиталистическом порядке (в первую очередь способ производства), а не человек при капитализме становятся предметом изысканий в рамках структурного марксизма. Продолжая аллерию, скажем, что Л. Альтюссер приписывал марксистскому исследователю роль просвещенного наблюдателя объективной трансформации капитализма и тем самым – роль хранителя и транслятора марксистского оптимизма. Отличие в том, что для неомарксистов-гуманистов причиной оптимизма была вера во всепоглощающую силу критического сознания человека, а для Л. Альтюссера – законы истории.

Если рассматривать марксистский исторический материализм как результат моды на позитивизм в XIX в., то академический неомарксизм можно определить как продолжение этой традиции классического марксизма. Однако могут ли какие-либо марксистские исследования называться таковыми, если будут детерминированы только одной целью – познанием? С одной стороны, одиннадцатый тезис К. Маркса³ заставляет нас дать отрицательный ответ. С другой стороны, обстоятельный анализ творческого наследия К. Маркса показывает, что эмпирическому историческому и аналитическому экономическому материалу отец-основатель уделял несравнимо больше внимания, чем политическому целеполаганию. Более того, сложна сама природа марксизма как идеологии и футурологии.

Исходные установки К. Маркса и Ф. Энгельса в вопросе строительства коммунизма могут быть сведены к трем положениям. Первое заключается в том, что коммунизм как формация и как движение общественной силы есть естественное порождение капитализма. Исторический материализм защищал коммунистический проект от обвинений в фантазии и утопизме. Крах капитализма доказывался как объективная, экономически выведен-

ная, а следовательно, неизбежная стадия развития общества. Это давало марксистской футурологии научное обоснование по сравнению с предшествующими умозрительными проектами социалистов-утопистов (Т. Мор, Т. Кампанелла). Второе положение заключается в том, что никто из классиков марксизма не указывал конкретной даты наступления коммунизма. Отсюда и третье положение – отсутствие детально разработанной модели коммунистического общества, опять же в отличие от социалистов-утопистов.

О коммунизме К. Маркс писал не как о «состоянии, которое должно быть установлено», а как о «действительном движении, которое уничтожает теперешнее состояние» [15, с. 34]. На этот важный момент в понимании марксизма указывал К. Манхейм, когда в работе «Идеология и утопия» описывал особенности анархистского, либерального, консервативного и коммунистического мышления. Рассуждая о последнем, немецкий философ отмечал присущую коммунистам концентрированность на реальных условиях и имманентной динамике осуществления мечты [11, с. 58–59]. Диалектическая логика марксизма отвергает либеральный концепт будущего как отдаленной точки в линейном представлении времени. Будущее для марксистов – это всегда составная часть настоящего или, говоря языком Г. Гегеля, это момент, сопричастный в настоящем. К. Маркс по этому поводу писал: «Что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать непосредственно, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать» [16, с. 131]. Это не означает, что классический марксизм был лишен идеологического целеполагания, а лишь указывает на то, что идеологическое целеполагание не является сущностной характеристикой классического марксизма. Изъятие из классического марксизма нормативной составляющей не повлияет на его потенциал в изучении функционирования капиталистической формации XIX в. в отличие от теории неомарксистов-гуманистов. В рамках классического марксизма революция есть результат функционирования капитализма, условия и зрелость которой можно выявить посредством научного изыскания закономерностей исторического развития. Для неомарксистов-гуманистов же революция должна произойти по причине обоснованного интеллектуалами гуманистического долга масс даже в том случае, когда массы не признают своего репрессивного положения. Гуманистический неомарксизм, зародившийся как интеллектуальная оппозиция партийному догматизму, в результате превратил марксистский концепт революции в догму. Отсюда и описанное нами выше стремление неомарксистских интеллектуалов всячески укрепить марксист-

³Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.

скую теорию революции – своего рода желание побыстрее совершить анархистский скачок из одного общества в другое и рефлексия по поводу собственной интеллектуальной пользы, исходя лишь из одиннадцатого тезиса К. Маркса. Тот же Ж.-П. Сартр в своем повороте к марксизму исходил из далеко не познавательных причин: «Я начал изменяться под влиянием самой реальности марксизма, осязаемого присутствия на моем горизонте рабочих масс – угрюмого исполинского сословия, которое переживало марксизм, которое воплощало его в жизнь и на расстоянии неодолимо притягивало мелкобуржуазную интеллигенцию» [17, с. 21].

Литературное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса многообразно, как следствие, развитие марксизма непредсказуемо. Партийный марксизм и гуманистический неомарксизм генетически связаны с классическим марксизмом, отражают противоречия как марксистской теории, так и эпохи своего становления. Однако, несмотря на схожесть судеб марксизмов после Маркса, первоначальный (парадигмальный) неомарксистский посыл на академическую антидогматичность и антиидеологизм должен учитываться при планировании современных неомарксистских исследований.

Так, убежденность в позитивистской природе классического марксизма легла в основу формирования аналитического марксизма. В конце 1970-х гг. группой исследователей (С. Боулз, Дж. Коэн, Ф. В. Парийс, А. Пржеворски, Э. О. Райт, Дж. Ремер, Ю. Эльстер) была поставлена задача переосмысления марксистской теории на основе общепринятых научных методов: в первую оче-

редь на современном математическом и экономическом инструментарии (математическое моделирование, теория рационального выбора, теория игр), а также с применением логического и лингвистического анализа. Генезис аналитического марксизма был определен одним из его основателей – Э. О. Райтом – следующим образом: «Это направление выросло из идеи о том, что марксизм остается продуктивной интеллектуальной традицией, в рамках которой можно задавать новые вопросы и формулировать ответы на них; однако традиция эта часто отягощалась бременем методологических и метатеоретических положений, которые существенно уменьшали ее объяснительные возможности» [18, с. 122]. В рамках развития марксизма аналитический марксизм стремился к реализации конкретной гносеологической цели – приобретению марксизмом «статуса подлинной общественной науки» [18, с. 125]. Названная цель была достигнута посредством внедрения в марксистские исследования современного научного методологического аппарата и оформления марксизма в рамках аналитического способа мышления. С точки зрения аналитических марксистов, обогащение марксизма современными методами исследования не сделало его уникальным теоретико-методологическим подходом, а лишь привело в соответствие «научным стандартам» и сделало «более когерентной теоретической структурой» [19, с. 125, 2]. Уникальность же марксизма в социальной науке определяется, по мнению аналитических марксистов, остротой поднимаемых им вопросов [20, с. 176].

Заключение

Потенциал академического неомарксизма в том, что он ориентирует неомарксистские исследования на научную аутентичность. Это придает неомарксистскому методологическому подходу большую эвристичность, а следовательно, актуализирует марксистский дискурс в современных социальных науках. В противоположность излишняя нормативность, социальный критицизм и целеполагание гуманистического неомарксизма сближают его с идеологической ангажированностью и нивелируют его научный потенциал. Здесь речь не идет о «правильных» и «неправильных» неомарксистах. Вклад гуманистического неомарксизма в развитие мировой интеллектуальной мысли велик и общепризнан, однако он не должен выступать единственным критерием идентификации всех неомарксистских исследователей. Более того, мы осознаем, что излишняя сциентистская ориентация сама по себе сродни идеологической ангажированности. Однако именно она изначально послужила причиной генерации неомарксизма и стала его парадигмальным основанием. Неомарксизм может быть другим: от-

личным от своего традиционного восприятия как идеологически ангажированной методологии. Академическая ориентация задает следующие характеристики неомарксистского исследования:

- антинормативизм в том понимании, что из неомарксистского исследования исчезает целеполагание на изменение мира;
- позитивизм, который предполагает, что неомарксизм стремится к научной объективности;
- антипсихологизм (или системно-структурная ориентация), согласно которому цель неомарксистского познания – выявить закономерности общественно-экономического порядка, а не найти новые движущие силы истории (агентов революции). Выделение признаков двух традиций в неомарксизме (гуманистической идеологизированной и академической сциентистской) позволяет упорядочить неомарксистское наследие, дать основания для методологической идентификации исследователей-неомарксистов, а также сделать неомарксистский подход приемлемым для широкого круга исследователей.

Библиографические ссылки

1. Кагарлицкий БЮ. *Марксизм: не рекомендовано для обучения*. Москва: Алгоритм; 2005. 480 с. Совместное издание с «Эксмо».
2. Арагуэс ХМ. Состоявшаяся война: о гуманизме Мерло-Понти [Интернет; процитировано 7 января 2019 г.]. Доступно по: <http://gefter.ru/archive/14388>.
3. Рейх В. Дialeктический материализм и психоанализ. *Под знаменем марксизма*. 1929;7–9:180–206.
4. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса. В: Фромм Э. *Душа человека*. Москва: Республика; 1992. с. 375–414.
5. Готфрид П. *Странная смерть марксизма*. Москва: Мысль; 2009. 249 с. Совместное издание с «ИРИСЭН».
6. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. В: Андерсон П. *Размышления о западном марксизме*. Москва: Интер-Версо; 1991. с. 6–150.
7. Бернштейн Э. *Возможен ли научный социализм?* Одесса: Буревестник; 1906. 64 с.
8. Мюллер Я-В. Межвоенные эксперименты: новые люди, переделка душ. В: Мюллер Я-В. *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2014. с. 84–150.
9. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. *Полис. Политические исследования*. 1992;1:130–142.
10. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика просвещения*. Москва: Медиум; 1997. 310 с. Совместное издание с «Ювента».
11. Манхейм К. *Идеология и утопия*. Москва: ИНИОН; 1992. 155 с.
12. Гобозов ИА. Л. Альтюссер – выдающийся французский философ-марксист XX века. *Философия и общество*. 2014;1:146–163.
13. Шихардин НВ. *Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма*. Курган: Издательство Курганского университета; 2009. 132 с.
14. Альтюссер Л. *За Маркса*. Москва: Праксис; 2006. 390 с.
15. Маркс К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
16. Маркс К. К. Маркс – Ф. Д. Ньюенгейсу, 22 февраля 1883. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 35*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1964. с. 130–133.
17. Сартр Ж-П. *Проблемы метода*. Москва: Прогресс; 1993. 237 с.
18. Райт ЭО. Что такое аналитический марксизм? *Вопросы экономики*. 2007;7:121–138.
19. Wrigh EO. *Classes*. London: Verso; 1985. 182 p.
20. Roemer JE. *Free to lose: an introduction to Marxist economic philosophy*. Cambridge: Harvard University Press; 1988. 203 p.

References

1. Kagarlitskii BYu. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for learning]. Moscow: Algorithm. 2005. 408 p. Co-published by «Eksmo». Russian.
2. Aragüés JM. Held war: the humanism of Merlot-Ponty [Internet; cited 2019 January 7]. Available from: <http://gefter.ru/archive/14388>. Russian.
3. Reich W. [Dialectical materialism and psychoanalysis]. *Pod znamenem marksizma*. 1929;7–9: 180–206. Russian.
4. Fromm E. [Marx's Concept of Man]. In: Fromm E. *Dusha cheloveka* [Human soul]. Moscow: Respublika; 1992. p. 375–414. Russian.
5. Gottfried P. *Strannaya smert' marksizma* [The strange death of Marxism]. Moscow: Mysl'; 2009. 249 p. Co-published by the «IRISEN». Russian.
6. Anderson P. [Consideration on western Marxism]. In: Anderson P. *Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma* [Consideration on western Marxism. In the tracks of historical materialism]. Moscow: Inter-Verso; 1991. p. 6–150. Russian.
7. Bernstein E. *Vozmozhen li nauchnyi sotsializm?* [Is scientific socialism possible?]. Odessa: Burevestnik; 1906. 64 p. Russian.
8. Müller J-W. [Inter-war experiments: new people, soul alteration]. In: Müller J-W. *Mezhvoennye eksperimenty: novye lyudi, peredelka dush* [Contesting democracy: Political ideas in twenty-century Europe]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute; 2014. p. 84–150. Russian.
9. Matz U. [Ideologies as determinant of modern politics]. *Polis. Political studies*. 1992;1:130–142. Russian.
10. Horkheimer M, Adorno TV. *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow: Medium; 1997. 310 p. Co-published by the «Yuventa». Russian.
11. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Moscow: INION; 1992. 155 p. Russian.
12. Gobozov IA. [L. Althusser is an outstanding French Marxist philosopher of the XX century]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2014;1:146–163. Russian.
13. Shikhardin NV. *Frantsuzskii neomarksizm: protivostoyanie gumanizma i stsientizma* [French neo-Marxism: the confrontation of humanism and scientism]. Kurgan: Izdatelstvo Kurganskogo universiteta; 2009. 132 p. Russian.
14. Althusser L. *Za Marksa* [For Marx]. Moscow: Praksis; 2006. 390 p. Russian.
15. Marx K. [The German Ideology. Criticism of the latest German philosophy in the face of its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner and German Socialism in the face of its various prophets]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Collected works. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
16. Marx K. [K. Marx to F. D. Nieuwenhuis on 22 February 1883]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 35* [Collected works. Volume 35]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1964. p. 130–133. Russian.
17. Sartre J-P. *Problemy metoda* [Search for a method]. Moscow: Progress; 1993. 237 p. Russian.
18. Wrigh EO. What is analytical Marxism? *Voprosy ekonomiki*. 2007;7:121–138. Russian.
19. Wrigh EO. *Classes*. London: Verso; 1985. 182 p.
20. Roemer JE. *Free to lose: an introduction to Marxist economic philosophy*. Cambridge: Harvard University Press; 1988. 203 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2019.
Received by editorial board 02.03.2019.